

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Шаститко А.Е., Комкова А.А., Курдин А.А.

**Экономическая теория об адвокатировании
конкуренции**

Москва 2016

Аннотация. В работе рассматриваются теоретические экономические подходы к понятию адвокати́рования конкуренции. Деятельность по адвокати́рованию конкуренции, которая не может быть полностью противопоставлена деятельности антимонопольного органа по инфорсменту, анализируется через призму неформальных институтов, механизмов адаптации правил к изменяющимся обстоятельствам их применения, инструментов убеждения, механизмов для становления таких убеждений (разделяемых ценностей).

Ключевые слова: адвокати́рование конкуренции, институты, инфорсмент, убеждения, экономическая теория, общие ценности.

Шаститко А.Е., директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Комкова А.А., научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Курдин А.А., старший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015год.

Содержание

Введение.....	4
1 Концептуальное ядро.....	6
2 Адвокатиrowание конкуренции и неформальные институты	9
3 Адвокатиrowание конкуренции – механизм адаптации правил?	11
4 Адвокатиrowание конкуренции – инструмент убеждения?	13
5 Разделяемые ценности в адвокатиrowании конкуренции.....	15
6 Механизмы соблюдения правил и адвокатиrowание конкуренции: возможности операционализации.....	18
Заключение.....	26
Список использованных источников	28

Введение

Вопрос об адвокатировании конкуренции для экономической теории представляется странным, риторическим и не имеющим очевидного ответа. Между тем актуальность данного вопроса для многих стран, в том числе и России, особенно высока, потому что есть основания утверждать, что слабые сдерживающие свойства правовой системы в части противодействия монополистической деятельности (недопущение, устранение или ограничение конкуренции на товарных рынках) уживаются с ужесточающейся (на горизонте 10 лет) и масштабной по охвату системой наказания объектов антимонопольного правоприменения (по размерам штрафов – наложенных и выплаченных, а также – особенно – по их количеству) [Авдашева, Шаститко, 2013, с.475, 477]. Именно два этих обстоятельства вносят свой вклад в атмосферу взаимного недопонимания, а где-то, вероятно, и недоверия, которую довольно сложно (хотя, наверное, возможно) измерить, но достаточно просто ощутить.

С другой стороны, один из фундаментальных принципов экономического анализа права в части настройки стимулов объектов правоприменения – создание такой системы, которая предупреждала бы правонарушения, но не применяла по факту санкции, одновременно являясь достаточно экономичной, не слишком обременительной для налогоплательщиков. На первый взгляд, этому принципу соответствует идея Беккера о необходимости установления очень высоких (карательных) санкций, которые компенсируют невысокую вероятность их применения к нарушителям (но именно к нарушителям!) [Becker, 1974].

Данный тезис трудно было бы оспорить и следовало бы безоговорочно принять, если бы не два «но»: (1) правоприменитель может ошибаться не только в пользу нарушителя, не наказывая его (ошибка II рода), но и в ущерб добропорядочному участнику рынка, необоснованно обвиняя его и наказывая за нарушения, которые он не совершал (ошибка I рода); (2) участники рынка – причем, как с одной, так и с другой стороны, далеко не всегда в состоянии соотнести совершаемые действия с последствиями для конкуренции и с требованиями норм антимонопольного законодательства. Последнее предположение связано с оценочностью ключевых норм, применение которых предполагает установление фактов с применением инструментария экономического анализа, а также с использованием иных специальных знаний. И, чем меньше опыта в применении указанных норм, чем сложнее объект

регулирования, тем более серьезной оказывается проблема ошибочного правоприменения.

Гипотеза состоит в том, что *адвокатирование конкуренции как структурная альтернатива антимонопольному принуждению может привести не только к улучшению характеристик правовой системы в части сдерживания правонарушений, но и к улучшению самих норм, как непосредственно направленных на защиту конкуренции, так и норм, применение которых может повлиять на условия конкуренции.* При каких условиях такое возможно? И как понять, действительно ли получены результаты от улучшения положения дел в области адвокатирования конкуренции?

Ответ на эти вопросы трудно обсуждать, принимая во внимание жесткие предпосылки модели индивидуального выбора, в которой все действующие лица (а) максимизируют свою целевую функцию, (б) хорошо представляют себе смысл всех запретов, содержащихся в антимонопольном законодательстве, (в) в состоянии оценить вероятность применения к ним санкций в случае нарушения установленных норм. Нетрудно догадаться, что в такой жесткой конструкции вряд ли найдется место для адвокатирования конкуренции, а ее объяснение возможно на основе использования гипотез к случаю. В частности, адвокатирование конкуренции, не принося никаких общественных выгод, тем не менее выгодно отдельным группам, преследующим свои интересы (например, в качестве получения выгод от большей публичности или освоения бюджетов, выделенных на адвокатирование конкуренции в рамках специальных программ или регулярного финансирования).

Однако стоит только задуматься над вопросами, примыкающими к обозначенным выше предпосылкам, как становится ясно: адвокатирование конкуренции – феномен, заслуживающий объяснения не только сам по себе, но также как частный случай более общей проблемы: объяснения социально приемлемого поведения (здесь под социально приемлемым поведением подразумевается не снижающее уровень общественного благосостояния поведение субъектов¹, соответствующее нормам права и лежащее в рамках ожидаемого другими агентами) в ситуациях, когда принуждение либо бессильно, либо недостаточно эффективно и когда существуют факторы, дополняющие принуждение к соблюдению законов.

---

¹ Здесь мы не рассматриваем вопросы, связанные с источниками и последствиями отклонения оценок поведения, которое признается в обществе (по крайней мере, значительной его частью) правильным, должным, от поведения, которое не снижает уровень общественного благосостояния.

Если снять предпосылки о том, что известна индивидуальная оценка вероятности применения санкций, а также их величина, с одной стороны, и предположение о том, что участники рынка и регуляторы не просто хорошо знают правовые нормы, но и в состоянии с разумными издержками установить соответствие между содержащимися в них требованиями и собственными действиями на рынке, с другой стороны, то возможно не только добросовестное заблуждение участников рынка, но и ошибочные решения регулятора – в данном случае признание нарушителем добропорядочного участника рынка.

Ошибки I рода (то есть наказание в случае отсутствия нарушения правил, или чрезмерно жесткое наказание за установленное нарушение) происходят не только преднамеренно, но и из-за отсутствия необходимого уровня знаний в определенной области: например, как со стороны антимонопольного органа могут отсутствовать специфические знания о функционировании рынка, отрасли, деятельности фирмы, так и со стороны компаний может не иметь места понимание о том, какие действия несут в себе опасность негативных конкурентных эффектов, а какие – нет. Эта проблема в экономической теории известна как негостеприимная традиция в антитрасте [Коуз, 1993, Уильямсон, 1996].

Цель данной работы – показать предметное поле адвокатирувания конкуренции на основе применения инструментария новой институциональной экономической теории.

Достижение данной цели предполагает не только наведение элементарного порядка в рабочих определениях основных понятий, позволяющих как-то структурировать концепцию адвокатирувания конкуренции. К числу такого рода задач относится также постановка вопросов о составе адвокатирувания конкуренции, структурных альтернативах и возможностях количественного анализа данного направления антимонопольной политики как с точки зрения оценки условий, масштабов, так и с точки зрения эффектов.

1 Концептуальное ядро

При ближайшем рассмотрении в вопросе об адвокатирувании конкуренции обнаруживают себя фундаментальные для современной институциональной экономической теории вопросы. В их числе – соотношение между правилами и

институтами; механизмами, обеспечивающими соблюдение правил, и механизмами принуждения; ограничениями в ситуациях выбора и разделяемыми ценностями; разделяемыми ценностями и механизмами принуждения. Прояснение указанных вопросов на примере адвокатиrowания конкуренции если и не обеспечит достижение истины или консенсуса, то по крайней мере позволит ответить на вопрос, о чем именно идет речь, когда используется данное понятие и не является ли использование указанного термина очередным примером умножением сущностей?

Первые попытки системно раскрыть вопрос об адвокатиrowании конкуренции как компоненте конкурентной политики с применением элементов экономической теории были предприняты в российской литературе около десяти лет назад [Авдашева, Шаститко, 2005]. В рамках данной работы адвокатиrowание конкуренции было представлено как набор видов деятельности антимонопольных органов, направленных на укрепление конкурентной среды для экономической деятельности посредством использования механизмов, не являющихся элементами системы принуждения к соблюдению установленных правил и ориентированных главным образом на осознание выгод от конкуренции, в том числе и через воздействие на другие государственные организации. Это определение совпадает с определением International Competition Network (Международная конкурентная сеть, МКС).

Однако тогда разработка предмета ограничилась бы объяснением основания адвокатиrowания конкуренции, характеристикой сложности возникающих в ее результате (так же как и в результате ее ограничения) эффектов, а также общими постановками о соотношении с антимонопольным принуждением и описанием направлений адвокатиrowания конкуренции безотносительно вопросов, связанных с источниками и эффектами ошибок I и II рода в правоприменении и правоустановлении.

В данной работе основной акцент сделан на обсуждении структурных альтернатив определения проблемного поля адвокатиrowания конкуренции через призму таких основополагающих концепций, как институты; правила; обеспечивающие соблюдение установленных правил механизмы (включая механизмы принуждения и адаптации в условиях неполноты правил); разделяемые ценности. Сразу следует отметить, что в мировой практике и литературе можно выявить разные модели адвокатиrowания конкуренции в зависимости от того, как проведена демаркационная линия – в первую очередь с антимонопольным правоприменением и принуждением. А ключевые концепции новой институциональной экономической теории в данном

случае – инструментарий для выработки системного представления о вариантах применяемых моделей адвокатирования конкуренции, даже если они в явном виде не артикулированы.

Напомним, что институт – формальные и неформальные правила, которые созданы людьми и выполняют функцию ограничений в ситуациях выбора, а также механизмы, обеспечивающие соблюдение указанных правил. Соответственно, адвокатирование конкуренции и антимонопольное правоприменение, принуждение могут рассматриваться как способы, с помощью которых обеспечивается защита конкуренции и, соответственно, общественно приемлемое поведение участников рынка, а также регуляторов, своими решениями влияющих на условия конкуренции.

Мы не утверждаем здесь, что указанные способы – взаимодополняющие или взаимозаменяемые, хотя применение теории трех фильтров дает основания для выявления общего источника поведения действующих лиц в соответствии с правилами конкуренции. Именно возможность не просто прочесть и понять содержание сообщения, содержащее запрет (соответственно, синтаксические и семантические фильтры) [Кобринский, Майминас, Смирнов, 1982; Шрейдер, 1965], но и придать ему определенный смысл (через прагматический фильтр) дает основание считать знание общим источником возникновения последствий как адвокатирования конкуренции, так и антимонопольного правоприменения. Однако общность источника не означает, что адвокатирование конкуренции не поддается специальному анализу наряду с антимонопольным принуждением, а не как его неотъемлемая часть.

В данной работе мы хотим показать, что на адвокатирование конкуренции можно и нужно смотреть значительно шире, чем это принято на основе понимания, сформулированного более десяти лет назад на площадке взаимодействия антимонопольных органов мира (МКС), отталкиваясь не только от деятельности антимонопольного органа и не применяя простое соотношение адвокатирования конкуренции с принуждением. Например, подход, предложенный Морисом Стаком [Stucke, 2008], основывается на понимании адвокатирования конкуренции как института конкурентной политики, помогающего улучшить конкурентную среду в условиях несовершенства информации, ограниченной рациональности. Он доказывает, что место адвокатированию конкуренции (или действия по продвижению конкуренции) лежит где-то между принципом *laissez-faire* и командной экономикой. В первом случае под вопросом находится политика любого государственного вмешательства (то есть

любого проявления конкурентной политики, как инфорсменты, так и адвокатирующие), во втором крайнем случае – государство применяет исключительно силовой подход. Инкорпорируя подход Всемирного банка, Стак относит к адвокатирующей конкуренции как политики, имеющей цель улучшение конкуренции, следующие аспекты: (1) верховенство закона, (2) конкурентный рынок идей, (3) этические, социальные и моральные нормы, (4) адаптивная политическая система, и (5) предоставление понятных и подробных данных о конкурентном инфорсменте [World Bank, 2002]. Именно этот подход мы будем далее использовать для объяснения развилки в формировании моделей адвокатирующей конкуренции.

2 Адвокатирующая конкуренция и неформальные институты

Прежде всего действие в рамках правил может быть обусловлено желанием избежать наказания за их несоблюдение, а механизмы, задействованные при этом, принято делить на формальные (когда имеется специализированный аппарат, “производящий” санкции) и неформальные (когда каждый член общества может выступить в роли гаранта, создавая тем самым издержки для нарушителя). С этой точки зрения адвокатирующая конкуренция скорее является политикой по формированию проконкурентных неформальных институтов, так как формальные санкции относятся к системе правоприменения. По сути такая логика есть отражение общепринятого подхода при определении адвокатирующей конкуренции, которое тем не менее не всегда учитывает, что принуждение может иметь несколько иную природу, чем назначение штрафных санкций за нарушение закона, так же как и набор субъектов адвокатирующей конкуренции.

Согласно определению, принятому в рамках Международной конкурентной сети более десяти лет назад, «адвокатирующая конкуренция — набор видов деятельности антимонопольных органов, направленных на укрепление конкурентной среды для экономической деятельности посредством использования механизмов, не являющихся элементами системы принуждения к соблюдению установленных правил и состоящих главным образом во влиянии на другие государственные организации и повышение степени понимания широкими кругами общественности выгод конкуренции» [Advocacy and Competition Policy, 2002].

Таким образом, в представленном определении наличие двух элементов – субъекта (антимонопольный орган) и принуждения с его стороны – дают основание считать, что речь идет именно о формальных санкциях на основе действующих законов. В этом случае та часть действий, которая направлена на обеспечение условий конкуренции за пределами ядра антимонопольного принуждения, может быть отнесена к адвокатируванию конкуренции. Однако в этом случае принуждение не следует противопоставлять адвокатируванию конкуренции, так как механизмы создания санкций оказываются по охвату шире, чем санкции, применяемые антимонопольным органом на основе определенного состава правонарушений, инкриминируемого хозяйствующему субъекту.

Вместе с тем стоит помнить, что не все методы и способы адвокатирувания будут лежать в плоскости неформальных институтов, а сама структура институтов более сложная, чем просто деление на формальные и неформальные правила. Например, деятельность в рамках экспертных групп, в которых проявляют себя не только интересы но и определенные теории с позитивной и нормативной составляющими, наиболее отчетливо может проявить действие неформальных норм. Однако само существование такой экспертной группы и правила взаимодействия внутри могут иметь место как результат формального механизма принуждения, так и иметь внутреннюю, неинституциональную природу. В антимонопольных органах могут существовать внутренние нормы, предписывающие определенные механизмы, которые могут быть задействованы в адвокатирувании конкуренции: места и порядок общественных выступлений, характер речи, правила ведения сайта.

Вот почему адвокатирувание конкуренции как формирование проконкурентных неформальных институтов – иными словами, социализация участников рынка в духе самостоятельной защиты ими конкуренции в своей среде – вполне может являться предметом деятельности уполномоченных государственных органов (в том числе во взаимодействии с университетами как центрами формирования новых знаний), регулироваться формальными институтами и быть в целом управляемым процессом, но при этом и требовать соответствующих издержек.

3 Адвокатирование конкуренции – механизм адаптации правил?

Неотъемлемым элементом института в отличие от правила является механизм, обеспечивающий соблюдение установленного правила. И в предыдущем разделе было отмечено, что именно санкции являются ключевым элементом. Вместе с тем механизмы, обеспечивающие соблюдение правил, не сводятся к механизмам принуждения, а точнее – механизмам, предполагающим применение разного рода санкций к нарушителям или (симметрично) – специально поощряющих тех, кто соблюдает или помогает следить за соблюдением установленных правил [Шаститко, 2010]. Отсутствие тождества между механизмами, обеспечивающими соблюдение правил, и механизмами принуждения обусловлено тем, что многие правила относятся к категории неполных. Неполные правила, как известно, могут требовать достройки *ex post*, если возникает ситуация, в которой данные правила должны быть применены, но достаточных оснований (ориентиров) для этого нет. Например, если предусмотреть уголовное наказание за злоупотребление доминирующим положением (например, в статье 178 Уголовного кодекса РФ), не указав, о каком именно составе данного правонарушения идет речь.

Соответственно, для того чтобы эта норма заработала, необходима адаптация к вновь возникшим обстоятельствам. И, если в приведенном примере, указанная норма неполна по причине ошибок проектирования (хотя больше оснований считать, что само ее появление является ошибкой), то в практике правоприменения возникают прикладные вопросы, без ответа на которые невозможно установить юридически значимые факты и принять решение по причине органической неполноты норм антимонопольного законодательства в силу их оценочности и одновременно лаконичности абстрактных формулировок, которые должны вбирать все многообразие обстоятельств, на которые должно распространяться их применение.

Таким образом, вторая развилка в определении границы между антимонопольным принуждением и адвокатированием конкуренции возникает тогда, когда к первому относят механизмы применения санкций – административных, уголовных, а ко второму – механизмы адаптации. Причем, в качестве результатов задействования механизмов адаптации могут появляться разного рода разъяснения относительно порядка применения существующих норм, разработанные или скорректированные руководства

по применению действующих норм законодательства. С этой точки зрения, та работа, которая проводится антимонопольными органами, в том числе ФАС России, по разъяснению порядка применяемых норм, может в представленном контексте рассматриваться в качестве адвокатиования конкуренции. Например, это касается разъяснений по поводу применимости горизонтальных соглашений о совместной деятельности, порядке применения программы ослабления наказания за участие в картеле и т.п.

В то же время сами механизмы адаптации включают в себя сложную систему распознавания сигналов и выработки варианта решения в случае, когда возникает необходимость ответа на вопрос, как применять норму в случае отсутствия возможности установить четкое соответствие между ситуацией, в которой она (как предполагается) должна быть применена, и ее содержанием.

В этой связи разграничение между антимонопольным принуждением в виде механизмов создания издержек для участников рынка (разного рода санкций) и антимонопольным правоприменением, которое наряду с принуждением включает в себя также и механизмы адаптации, вполне естественно. Такой подход к объяснению адвокатиования конкуренции допускает, что оно может быть представлено в качестве элемента системы правоприменения, не связанного непосредственно с санкциями. Причем, необязательно речь идет только лишь об антимонопольном правоприменении в смысле ответственного за него «профильного» регулятора. Если принятие решений осуществляется отраслевым регулятором на основе знаний о возможных последствиях этих решений для конкуренции (как это имеет место для мегарегулятора рынков финансовых услуг в Великобритании – FSA), то здесь мы видим первую возможность адвокатиования конкуренции, которая не связана собственно с антитрастом, но может рассматриваться как элемент правоприменения в сфере регулирования [Авдашева, Шаститко (ред), 2002].

Роль адвокатиования конкуренции для снижения ошибок правоприменения и правоустановления отражает взгляд чикагской школы. Представители данного направления исследований считают, что конкуренция является наилучшим способом взаимодействия на рынке, который помогает распределять ресурсы самым эффективным образом, поэтому необходимо смягчать любое воздействие государства. Такая точка зрения помогает в несколько упрощенной схеме понять две важные функции адвокатиования конкуренции: во-первых, оно обосновывает необходимость

государственного вмешательства в ситуации «провалов рынка», так как, в частности, промышленная политика может нанести ущерб различным отраслям, хотя публично может быть объявлено о соответствии общественно приемлемым целям. Во-вторых, адвокати́рование конкуренции помогает наладить «обратную связь» с акторами рынка, устанавливая конкурентные условия на самом поле правоустановления и правоприменения, тем самым снижая риск совершения ошибок первого и второго рода. Такие ошибки могут происходить по разным причинам: несовершенство информации и информационная асимметрия, слабые стимулы к избеганию ошибок («политическая близорукость», недостаточная подотчетность обществу, преследование собственных интересов) [Stucke, 2008].

4 Адвокати́рование конкуренции – инструмент убеждения?

Является ли адвокати́рование конкуренции элементом только лишь применения норм (неформальным механизмом принуждения и/или компонентом механизма адаптации к изменяющимся обстоятельствам)? На наш взгляд, тоже необязательно. Воздействие на принятие решений по поводу создания или изменения правил (правоустановление) также может обнаружить воздействие на процессы принятия решения с помощью формирования знаний у ключевых групп интересов о последствиях для конкуренции их собственных действий и действий других групп. Предложенный подход перекликается с предложенным Князевой вариантом определения: «адвокати́рование конкуренции – систематическая деятельность конкурентных ведомств, направленная на установление взаимопонимания между государственными органами, обществом и бизнесом, в том числе сложной коммуникации, адвокатской и образовательной деятельности, и информирования участников рынка о своих правах и обязанностях в обществе и на рынке» [Knyazeva, 2013].

В данном контексте можно обнаружить определенные различия между действиями, которые совершаются в соответствии с некоторыми интересами и действиями, основанными на определенном знании. Сказанное не означает, что знание может кардинально сменить вектор действия, основанного на интересах. Но оно может его не только усилить, но и скорректировать. И вот эта корректировка, которая может

сделать поведение более благоприятным для формирования конкурентной среды, может рассматриваться как проявление адвокатирувания конкуренции.

Этот источник определения адвокатирувания конкуренции можно обнаружить во взаимодействии между ведомствами в рамках применения инструментов активной конкурентной политики [Авдашева, Шаститко, 2010], например, реструктуризации отраслей с естественно монопольным компонентом. Известно, что именно в этой сфере можно обнаружить ситуации с перекрывающимися друг друга практиками, ограничивающими конкуренцию: это и объединение коммерческих и властных функций, и вертикальная интегрированность хозяйственной деятельности, и антиконкурентная система регулирования. Однако в данном случае возникает важный исследовательский вопрос, который тесно связан с тем, что институты – это не только институциональная среда, но и институциональные соглашения. Соответственно, изменение содержания и структуры контрактов между участниками рынка, так чтобы они не допускали применения антиконкурентных условий – но «не за страх, а за совесть», потому что конкуренцию считают правильной – тоже можно считать результатом убеждения.

Однако следует помнить об одном «но». Есть риск спутать на деле адвокатирувание с принуждением, потому что, если, например, антимонопольное ведомство обладает правом вето, то принуждение в отношении «ведомств-объектов» вполне может существовать на основе общих рамок проведения соответствующей реформы, но выглядит это как действия антимонопольного органа, направленные на то, чтобы убедить объект в векторе действий без наказания и, соответственно, без принуждения. Однако в более широком контексте этот вывод может оказаться не вполне корректным, если, например, учесть, что санкции за нерешенность вопросов, которые требуется согласовывать с антимонопольным ведомством, все же последуют. Например, дисциплинарные взыскания или снятие с должности.

Аналогичная ситуация – с выстраиванием договорных отношений между участниками рынка. Является ли применяемая договорная практика компанией, которая имеет возможность использовать свое переговорное преимущество через ограничение конкуренции, но не делает этого, результатом адвокатирувания конкуренции или следствием действенной системы антимонопольного принуждения? Действия, вырванные из контекста, могут выглядеть как адвокатирувание конкуренции, а в более широком контексте – как следствие принуждения (например, в результате

действия организационной памяти) [Радченко, Авдашева, Курдин, Шаститко, 2013]. Иными словами, для результативности позитивного исследования данной проблематики может оказаться полезным следование принципу: «Если кажется, что речь идет об адвокатировании конкуренции, то, возможно, что-то не было учтено». Рассмотрим вопрос об адвокатировании конкуренции более подробно, опираясь на предположение о существовании связки между ценностями и действиями участников рынка.

5 Разделяемые ценности в адвокатировании конкуренции

Совокупность институтов существенно шире, чем правовая система. Это обусловлено не только тем, что за пределами правовой системы остаются многие (хотя далеко не все) неформальные нормы (не случайно используется термин обычаи делового оборота, к которым также можно апеллировать в суде, правда, если только их можно постфактум как-то кодифицировать, сделать верифицируемыми). Не менее важным является различие в механизмах, обеспечивающих соблюдение установленных правил. Если мы не принимаем в расчет (пока) неформальные правила, то на первый план выходит еще одна развилка, связанная с границами антимонопольного принуждения, которые обусловлены границами правовой системы. В этом смысле адвокатирование конкуренции вполне может оказаться оснащенным механизмами принуждения, которые не требуют обращения в суд или к регулятору. Иными словами, действия по принуждению к конкуренции методами, принятыми хотя бы некоторыми участниками рынка с разделяемыми ценностями, вполне может стать основанием положительного ответа на вопрос о наличии элемента принуждения в системе адвокатирования конкуренции. Следует отметить, что даже те исследователи, которые ранее рассматривали в качестве элементов института только правила и механизмы их обеспечивающие, выдвигают идею о том, что в их составе – также и разделяемые ценности [Норт, Вайнгаст, Уоллис, 2011, с.59]

Наконец, упомянутые выше разделяемые ценности вряд ли могут быть квалифицированы как элемент ограничений в ситуации выбора, поскольку в их основе, если они соответствуют своему понятию, лежит оценка их носителей как должного, приемлемого, правильного или предосудительного. Именно этим они отличаются от

знания теорий, демонстрирующих пользу конкуренции, которые вполне могут сосуществовать с антиконкурентным поведением. Соответственно, если действия направлены на формирование ценностей и, таким образом, проконкурентного поведения согласно нормам закона (не обсуждаем его качество и способ применения), то они также могут быть квалифицированы как адвокати́рование конкуренции.

По сути, адвокати́рование конкуренции действует через раскрытие информации разными сторонами (и понимание ее достоверности), что помогает избежать конфликтных ситуаций *ex ante* или помогает разрешать их *ex post* без обращения в суд или без применения информсента со стороны антимонопольного органа.

По мнению Норта, идеология существенно влияет на условия принятия индивидуальных решений. Под идеологией Норт понимает «субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир». То есть речь идет о жизненных установках, которые помогают объяснить и оценивать прошлые, настоящие действия, и которые могут послужить базисом для принятия будущих решений. С этой точки зрения, адвокати́рование конкуренции является инструментом, формирующим взгляды и убеждения экономических агентов - что достигается с помощью раскрытия информации (как о прошлых достижениях антимонопольного органа с обоснованием необходимости и полученными эффектами, так и некоторые прогнозы и планы, что помогает скоординировать действия).

Раскрытие информации может привести к изменению относительных цен, что, в свою очередь, приводит к изменению норм и идеологий, и чем ниже будут издержки по раскрытию информации, тем быстрее будут протекать эти изменения. В нашем случае это можно проиллюстрировать следующей ситуацией: раскрытие информации о деятельности антимонопольного органа на доступном для экономических агентов уровне (то есть уровень, который достаточен для понимания причин, следствий и сути решений), может привести к изменению в уровне издержек заключения контрактов через механизм идеологии (когда понимание информации в нормативной части будет восприниматься как убеждения агента). Норт полагал, что «субъективное мировосприятие индивидов не только опирается на культурное наследие, но и претерпевает постоянные изменения под влиянием опыта, проходящего через фильтр существующих (культурно детерминированных) ментальных конструкций». Такие изменения могут происходить относительно быстро – тем более с условием, если

информация помогает восполнить пробел в собственном опыте или при столкновении с уникальными ситуациями, требующими принятия решения при недостатке информации или высоком уровне неопределенности. Справедливости ради необходимо сказать, что в такой неопределенности (а именно в разрыве между способностью человека расшифровывать стоящие перед ним проблемы и трудностью выбора наиболее предпочтительных альтернатив) некоторые экономисты [Heiner, 1983] видят причину возникновения институтов как таковых, как упорядоченных стереотипов поведения, что, как подметил Норт, никак не отрицает возникновение идеологической составляющей.

Вместе с тем существует несколько иная точка зрения на идеологию. Например Д.Родрик [Родрик, 2015] полагает, что индивидуалистский подход в экономике переоценен, и нельзя объяснить принятие или непринятие той или иной нормы исключительно следованием частным интересам (например, элит). Он утверждает, что элиты могут не знать о том, какое решение является для них эффективным, но зато могут придерживаться той или иной идеологии, которая и является ограничением их действий. Непроизвольно и сами того не желая из-за своих убеждений (будь то искренне разделяемых или навязанных извне), они не видят более эффективного решения какой-либо политической, социальной или экономической проблемы. И, наоборот, убеждения могут способствовать свержению эффективной с точки зрения экономики нормы – примером может служить отмена рабства. Родрик оговаривает тот факт, что рабство было экономически выгодно и данный институт не мог исчезнуть без возникновения идеологии, к которой постепенно стало привержено все большее количество различных групп². Переходя в плоскость конкурентной политики, это означает, что некоторые нормы конкурентного законодательства и его информсмент могут быть неэффективными необязательно из-за преследования частных интересов, а из-за отсутствия знаний и убеждений о том, какое поведение является эффективным и правильным в этой ситуации.

Однако в нашем исследовании имеет смысл разграничить понятия «идеология» и «мораль». Данные понятия имеют множество трактовок в различной литературе как экономического, так и неэкономического характера, но нам важна следующая

---

² Отметим, что, несмотря на наличие доказательств экономической эффективности рабства для рабовладельческих хозяйств в работе [Fogel, Engerman, 1995], эффективность рабства для США в более широком социально-экономическом контексте может быть поставлена под сомнение, как показано в статье [Coclanis, Engerman, 2013].

демаркационная линия. Под моралью мы будем понимать прежде всего внутренние индивидуальные формы человеческих отношений, основанные на различии добра и зла, правильном и неправильном поведении. Идеология – «общественная» точка зрения (если речь идет о коллективной идеологии) на нормы поведения (такая «точка зрения» скорее всего будет навязываться «сверху» – официальная политическая, социальная позиция, в рамках которой объясняется принятие решений на уровне управления государством). Способ принуждения в данном случае может быть как формальным (множество примеров можно найти в прошлом СССР), так и неформальным, но главным отличием от формальных институтов и неформальных правил является следующее: если последние напрямую воздействуют на условия выбора того или иного действия (путем угрозы или применения санкций при невыполнении правила), то идеология является своеобразным передаточным механизмом между формальными и неформальными нормами и моралью (индивидуальными убеждениями).

6 Механизмы соблюдения правил и адвокатиrowание конкуренции: возможности операционализации

Для анализа возможного воздействия адвокатиrowания конкуренции на принимаемые индивидуальные решения остановимся на трех способах обеспечения соблюдения правил: формальные ограничения, неформальные ограничения и принципы морали и идеологии. Важно сказать, что такие правила могут иметь как положительное, так и отрицательное воздействие на конкуренцию. Вот почему важен вопрос, как соотносятся данные механизмы? Для упрощения последующих рассуждений, мы не будем касаться категории идеологии как особого передаточного механизма, а остановимся лишь на «прямых» механизмах обеспечения соблюдения правил. Мы исходим из предположения, что если хотя бы одно ограничение, которое диктует конкурентное поведение, имеет место, то будет совершено конкурентное действие, однако цена такого решения может быть разной.

Например, когда все перечисленные категории совпадают в положительном аспекте, то конкурентное действие является формально, неформально и морально обоснованным. Возможна ситуация чистого принуждения соблюдения законодательства со стороны государства. Именно сокращение данной области имеет

смысл для удешевления принуждения (при условии, что принуждение обходится дороже, чем создание и поддержание неформальных норм или морали) – неформальные нормы или мораль могут выступить в качестве мягкой силы [Nye, 1990], которой в данной ситуации не прослеживается. Возможна ситуация с самоподдерживающимися правилами – в данной области оппоненты сохраняют неформальные правила, хотя никаких официальных гарантий не имеется и существует риск оппортунистического поведения.

Третью возможную ситуацию рассматривал Норт, когда описывал соотношение институциональных рамок и идеологий (в нашем случае это тождественно равно нормам морали). «В зависимости от того, насколько содержание формальных институтов направлено — сознательно или случайно — на снижение “цены”, которую платят люди, действуя в соответствии со своими убеждениями, настолько они (институты) создают свободу для индивида, позволяя делать выбор на основе своих идей и идеологий» [Норт, 1997]. Конкретно в данной точке ценой таким действиям являются возможные формальные и неформальные санкции (с учетом вероятности их применения).

Однако всегда ли такие убеждения будут ограничивать выбор действия для индивида и корректировать его выбор по сравнению с ситуацией, когда таких обсуждений нет? Является ли убеждение, что «конкуренция приносит пользу» первичным по отношению к формальному правилу, несущему в себе санкции за невыполнение? Скорее всего – нет. Некоторые исследования [Miguel, Fisman, 2007] приходят к выводу, что наличие формальной нормы сильнее обуславливает поведение индивидов. Однако в ее отсутствие (или при плохом функционировании) на первое место выходят неформальные правила и разделяемые убеждения! Поэтому особое внимание адвокатированию конкуренции можно проявлять в областях экономики с недостаточно эффективным правоприменением (это также объясняет популярность идеи адвокатиования в развивающейся рыночной экономике и ограниченным опытом применения норм антимонопольного законодательства).

Рассмотрим подробнее вопрос о соотношении между адвокатиованием конкуренции и правоприменением с использованием запретов и санкций. Есть ли оптимальное соотношение между указанными альтернативами и, если есть, какое оно? Или имеются исключительно «угловые» решения?

Для иллюстрации рассмотрим следующий рисунок (Рисунок 1), отражающий множество структурных альтернатив, как различных комбинаций практик по адвокатируванию конкуренции и принуждением к соблюдению правил силами антимонопольного органа на границе институциональных возможностей конкурентной политики.

Предполагается, что бюджетные ограничения антимонопольного органа должны быть приведены в соответствие с определенными характеристиками системы по соблюдению требований антимонопольного законодательства и сдерживанию монополистической деятельности. На рисунке это соответствует границе институциональных возможностей конкурентной политики

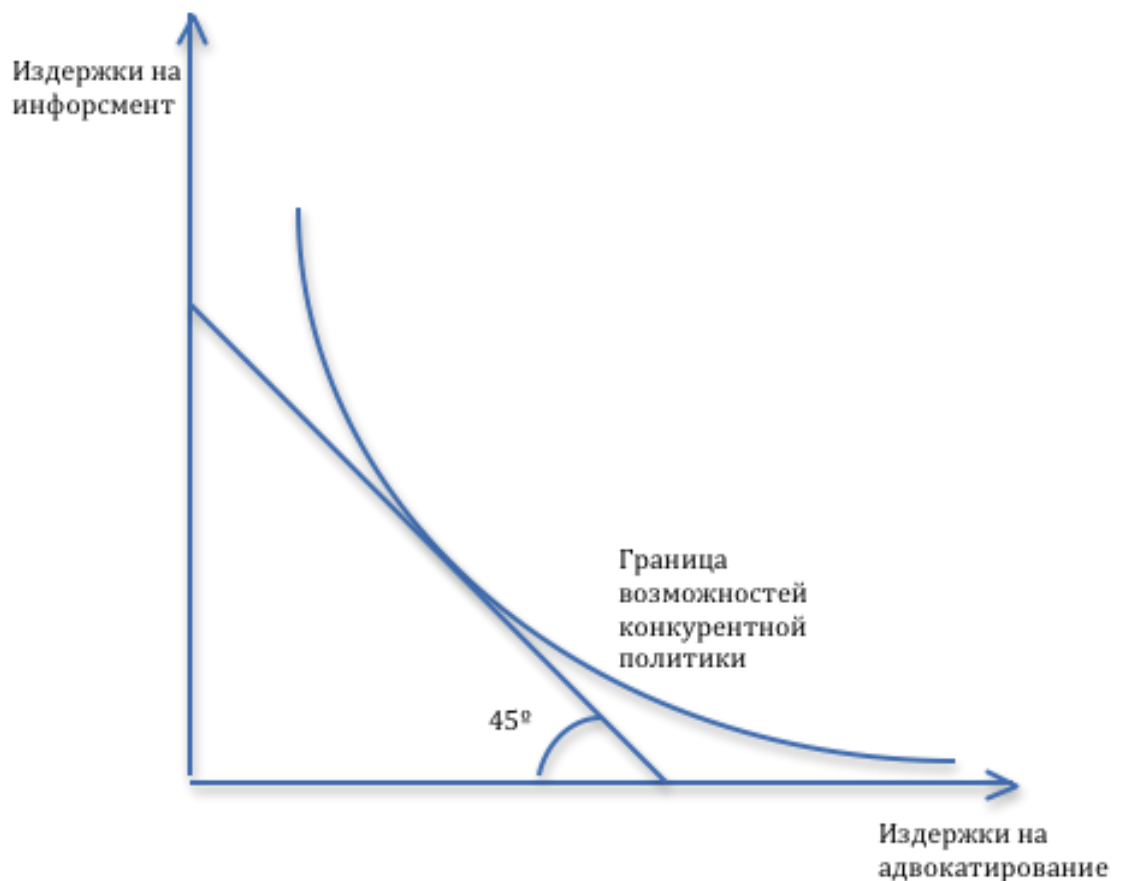

Рисунок 1 - Граница возможностей конкурентной политики

Данный график похож на график институциональных возможностей из работы Дьянкова, и соавторов [Djankov, Glaeser, La Porta, Lopez de Silanes, Shleifer, 2003], по сути являющийся его частным случаем. Здесь антимонопольный орган, исходя из своих ограничений, выбирает ту комбинацию двух вышеперечисленных политик, которая несет наименьшие общественные потери.

Ограничения антимонопольного органа происходят из следующих условий:

1. Антимонопольный орган должен обладать значительной степенью независимости от правительства. Независимость должна быть как структурная (возможность формировать отдельный бюджет), так и операциональная (возможность действовать независимо и представлять собственную позицию).

2. Антимонопольный орган должен обладать достаточными ресурсами для поддержания обеих функций – информирование и адвокати́рование. Вряд ли антимонопольные органы располагают довольно обширными денежными средствами, такими, что перед ними не встает вопрос о распределении ресурсов между этими двумя направлениями. Как утверждают [Clark, 2005; ICN, 2002] что 62% как развитых, так и развивающихся стран ³ потратили меньше, чем 20% от общего бюджета на адвокати́рование конкуренции. Остальные – чуть выше – между 20% и 30%. Есть веские причины для такого распределения: во-первых, административные и регуляторные вопросы часто занимают много времени и могут потреблять огромное количество ресурсов. Во-вторых, адвокати́рование конкуренции может приносить долгосрочные эффекты, не заметные моментально, что может побудить снизить расходы на него.

3. Антимонопольный орган должен обладать запасом доверия в качестве эффективного и беспристрастного защитника конкуренции. Его репутация должна распространяться как в государственном, так и в частном секторах, среди политиков и представителей бизнеса, работников и потребителей.

Наклон и положение границы возможностей субъекта конкурентной политики, а следовательно, и эффективный набор будут отличаться не только при сравнении ситуации между различными странами, но и, возможно, в зависимости от конкретной рассматриваемой отрасли: например, инструментарий конкурентной политики в отрасли естественных монополий отличен от инструментария на рынках

---

³ Выборка исследования состоит из 53 стран, имеющих антимонопольные органы. Полный перечень предоставлен в работе Advocacy and Competition Policy// Report prepared by the Advocacy Working Group ICN's Conference, Naples, Italy, 2002, p. 111-113.

сельскохозяйственной продукции, те в свою очередь вряд ли могут регулироваться в том же режиме, что и рынок образовательных услуг.

В ситуации сравнения ведомств на межгосударственном уровне в первую очередь выходят на первый план имеющиеся институты и различия в социальном капитале и культурных характеристиках, влияющих на выбор стратегии поведения. То есть имеет смысл следующая постановка вопроса – можно ли частично объяснить разницей в культурных характеристиках нации (например, характеристикой «Индивидуализм/коллективизм» из методологии Герта Хофстеде [Hofstede, 2001] и другими характеристиками из исследований культурного капитала) отличия в подходах к адвокатируванию конкуренции между разными странами? Если да, то какие из данных характеристик наиболее значимы? Важно заметить, что изменение наклона и положения границы возможностей конкурентной политики возможно за счет реформирования данной отрасли, внешних шоков (к которым можно отнести изменения в политике в прочих отраслях) и постепенного изменения предпочтений, обусловленного прогрессом.

Из этого вытекает следующая постановка вопроса: есть ли различия как в позитивных, так и нормативных оценках проведения политики по адвокатируванию конкуренции в различных регионах? Какими факторами обусловлены данные отличия и какова роль культурных характеристик? Ответы на этот вопрос может дать включение в анализ культурных и социальных характеристик среды. Например, по итогам опроса World Values Survey в России 38,9% граждан уверены, что «конкуренция – это хорошо» (приведена доля тех групп, которые оценили необходимость конкуренции от 1 до 3 по десятичной шкале, где 1 – наибольшее значение), в отличие от США, где аналогичный показатель равен 56,3%.⁴ Однако если посмотреть на оценку конкуренции молодым поколением (до 29 лет), можно увидеть, что показатели имеют тенденцию к выравниванию – 40,6% в России и 43,4% в США. Это наблюдение дает основание предположить, что установки и разделяемые убеждения могут меняться с относительно быстрой скоростью – даже в рамках одного поколения.

Культурная трансмиссия осуществляется, как правило, через институты семьи и различных учебных заведений, а полученные нормы индивиды могут скорректировать в процессе общения с иными индивидами [Bisin, Verdier, 2000]. Процесс социализации

---

⁴ World Values Survey Wave 6: 2010-2014. Competition good or harmful.

(то есть процесс обучения и получения знания) особенно важен, так как именно он закладывает разделяемые ценности.

Обобщая, можно выделить основные типы возможного соотношения деятельности по применению норм права, защищающих конкуренцию, и адвокатируемую конкуренции:

1. Адвокатируемая конкуренция «раскрывает суть» информсента. Действия антимонопольного органа (или иных субъектов конкуренции) могут быть непонятны иным лицам, что влечет за собой опасность неверной трактовки причинно-следственных связей и результатов данной политики, в частности, по применению тех или иных методов принуждения в виде санкций. Повышение уровня знания по указанному вопросу, открытость информации снижают риски неверного истолкования действий в рамках антимонопольного принуждения.

2. Адвокатируемая конкуренция как механизм адаптации формальных правил к множеству обстоятельств их применения, включая те, которые высвечивают ex ante неполноту указанных правил. Данный тип взаимодействия можно условно разделить на два подтипа:

а. Адвокатируемая конкуренция помогает наладить «обратную связь», и, следовательно, лучше прислушиваться к мнениям участников взаимодействия – как государственных органов и представителей бизнеса, так и потребителям и их объединениям. Иначе говоря, адвокатируемая конкуренция помогает адаптировать правила в рамках конкурентного законодательства к конкретным обстоятельствам ведения бизнеса (то есть учитывать отраслевую специфику, но не через развитие отраслевой составляющей антимонопольного законодательства, а на основе управления антимонопольными рисками участников релевантных рынков).

б. Адвокатируемая конкуренция помогает избежать негативного влияния на конкуренцию из-за принятия (отмены, изменения, корректировки...) законодательств в иных сферах деятельности. Данный тип взаимодействия реализуется преимущественно через оценку эффективности изменений (assessment) и/или коммуникацию с иными ведомствами. Говоря иными словами, адвокатируемая конкуренция помогает адаптировать правила в рамках законодательства в целом таким образом, чтобы не наносить ущерб конкуренции.

3. Механизм, обеспечивающий соблюдение правил (в том числе механизмы принуждения и механизмы адаптации к правилам), служит основой для проведения

адвокатирования конкуренции. Эффективный инфорсмент и результативные действия антимонопольного органа помогают обеспечить «узнаваемость», сфокусировать внимание участников рынка и регуляторов, а также обусловить их заинтересованность, что является предпосылкой (правда, необязательно достаточной) необходимого уровня доверия (credibility) для успешного адвокатирования конкуренции. Формальные правила конкурентной политики, предусматривающие адвокатирование конкуренции в числе прочих мер, необходимы и антимонопольному органу (или другим органам власти) для аллокации ресурсов на это направление.

4. Адвокатирование конкуренции определяет рамки применения инфорсмента. С одной стороны, адвокатирование конкуренции может раскрыть новую информацию о деятельности агентов рынка: например, новые связи с государственными органами могут выявить ранее неизвестные проблемы, где возможно применение инфорсмента. Но, с другой стороны, адвокатирование конкуренции может и сузить рамки прямого влияния, но данный тип взаимодействия рассмотрен в пункте 5.

5. Адвокатирование конкуренции как альтернатива механизмам принуждения к соблюдению установленных правил. Данный вид взаимодействия так же можно рассмотреть с двух сторон:

а. Антимонопольный орган может снизить уровень инфорсмента (строго говоря, в форме принуждения к соблюдению норм посредством применения санкций, а не обещания их применить) из-за эффективного адвокатирования конкуренции – перераспределить ресурсы и пересмотреть методы влияния на конкурентную среду в пользу адвокатирования. Адвокатирование конкуренции «отвлекает» часть ресурсов, которые могут пойти на деятельность по контролю за соблюдением правил. Но при должном проведении политики по адвокатированию она может снизить издержки инфорсмента.

б. Экономические субъекты перераспределяют ресурсы с целью снижения рисков вмешательства антимонопольного органа в последующие периоды. Успех в создании конкурентной культуры имеет очевидные преимущества для инфорсмента: организации будут более охотно добровольно соблюдать конкурентное законодательство; бизнес и общественность будут охотно сотрудничать с правоохранительными органами путем предоставления фактических данных и информации; политики будут с большим энтузиазмом поддерживать деятельность

конкурентного ведомства по вопросам конкуренции, в частности, путем предоставления дополнительных ресурсов для этого. Следовательно, необходимость вмешательства антимонопольного органа в решения экономических агентов снизится или исчезнет совсем из-за принятия взвешенных решений самими агентами.

Заключение

Адвокати́рование конкуренции представляет собой довольно обширное понятие, содержание которого пока не откристиаллизовалось в экономической науке. Оно необязательно ограничивается лишь исключительно деятельностью антимонопольного органа, которое противопоставляется принуждению к исполнению норм антимонопольного законодательства и предписаний.

Во-первых, экономическая теория позволяет рассматривать адвокати́рование конкуренции как политику по формированию проконкурентных неформальных институтов, не противопоставляя ее полностью формальным институтам. В этом случае вполне возможно рассматривать адвокати́рование конкуренции в терминах принуждения, но к соблюдению неформальных правил, для обеспечения действенности которых возможностей антимонопольного органа может быть недостаточно.

Во-вторых, адвокати́рование конкуренции может выступить как механизм адаптации правил к изменяющимся обстоятельствам их применения – важнейшему компоненту механизма, обеспечивающего соблюдение правил наряду с принуждением. Адвокати́рование конкуренции в данной форме позволяет анализировать и корректировать существующие и/или проектируемые формальные правила с точки зрения усиления проконкурентных эффектов.

В-третьих, если адвокати́рование конкуренции выступает в качестве инструмента убеждения, то можно обнаружить воздействие на процессы принятия решения с помощью формирования знаний у ключевых групп интересов. Этот вопрос граничит с анализом роли адвокати́рования конкуренции в становлении убеждений (в смысле разделяемых ценностей) у стейкхолдеров. Вместе с тем ключевую роль убеждения, как правило, играют только в том случае, когда наблюдаемые формальные нормы отсутствуют вообще или «не работают».

В-четвертых, отраслевые регуляторы и отдельные участники рынка (и их группы – в том числе организации саморегулирования) могут быть не только объектами адвокати́рования конкуренции но и субъектами – в зависимости от того, как мы наполняем содержанием указанное понятие.

В какой бы форме ни проявлялось адвокати́рование конкуренции (оценка нормативно-правовых актов с точки зрения влияния на конкуренцию; содействие в разработке руководящих принципов по соблюдению конкурентного поведения; участие в экспертных группах, встречах, совещаниях; повышение осознания того, что

применение правил по защите конкуренции приводит к улучшению благосостояния потребителей и способствует экономическому росту) через различные сочетания с политикой правоустановления и правоприменения, оно позволяет снизить риск возникновения ошибок I рода и тем самым улучшить свойства правовой системы по сдерживанию антиконкурентного поведения.

Список использованных источников

- 1 Авдашева С., Шаститко А. (ред.) Конкуренция на рынках небанковских финансовых услуг. М.: Теис, 2002
- 2 Авдашева С., Шаститко А. Адвокатирование конкуренции как часть конкурентной политики // Вопросы экономики. — 2005. — № 12. — С. 109–121
- 3 Авдашева С., Шаститко А. Конкурентная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция, 2010, № 1, с.5-20.
- 4 Авдашева С., Шаститко А. Антимонопольная политика в России в 2011–2012 гг.: после дела «большой четверки» В: Российская экономика в 2012 году. Тенденции и перспективы. (Выпуск 34). Институт экономической политики им. Е.Т.Гайдара. М.:Издательство Института Гайдара, 2013. С.475-503.
- 5 Кобринский Н.Е. Экономическая кибернетика/Н.Е. Кобринский, Е.З. Майминас, А.Д. Смирнов. — М.: Экономика, 1982. —408 с.
- 6 Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. — М.: Дело ЛТД, 1993. — 192 с.
- 7 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. — 180 с.
- 8 Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества/ Пер. с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. — 480 с.
- 9 Радченко Т.А., Авдашева С.Б., Курдин А.А., Шаститко А.Е. Практика и возможные последствия антимонопольной регламентации торговой политики частной компании. МАКС Пресс. 2013
- 10 Родрик Д. Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики, 2015, №1.
- 11 Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, "отношенческая" контрактация: [Пер. с англ.] / Оливер И. Уильямсон; [Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Катькало]. - СПб.: Лениздат, 1996. - 702 с.

- 12 Шаститко А. Новая институциональная экономическая теория. Четвертое издание, переработанное и дополненное. — Теис Москва, 2010. — С. 828.
- 13 Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. — М., 1965. — В. 13. — С. 233-240.
- 14 Advocacy and Competition Policy// Report prepared by the Advocacy Working Group ICN's Conference, Naples, Italy, 2002.
- 15 Becker, G. S. A Theory of Social Interactions // Journal of Political Economy, Vol. 82, No. 6 (Nov. - Dec., 1974), pp. 1063-1093.
- 16 Bisin, A., Verdier, T. Beyond the Melting Pot: Cultural Transmission, Marriage and the Evolution of Ethnic and Religious Traits. Q. J. Econ 2000. 115, 955–988.
- 17 Clark J. Competition Advocacy: Challenges for Developing Countries// OECD Journal of Competition Law and Policy, 2005, no.4
- 18 Coclanis, P. A., Engerman S. L. Would Slavery Have Survived Without the Civil War?: Economic Factors in the American South During the Antebellum and Postbellum Eras // Southern Cultures. 2013. Vol. 19, No. 2. P. 66–90.
- 19 Djankov, S., Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez de Silanes, F., Shleifer, A. The New Comparative Economics, NBER Working Paper, 2003, 9608.
- 20 Fogel, R. W., Engerman, S. L. Time on the cross: The economics of American Negro slavery. – WW Norton & Company. 1995.
- 21 Heiner R. Origin of Predictable Behavior // American Economic Review. — 1983. - V. 73. — № 4. — P. 560-595.
- 22 Hofstede G. Culture consequences. 2-th ed. — Sage Publications, 2001.
- 23 Knyazeva I.V. Competition Advocacy: Soft Power in Competitive Policy // Procedia Economics and Finance. 2013. Vol. 6. P. 280-287
- 24 Miguel E, Fisman R., Corruption, Norms and Legal Enforcement Journal of Political Economy Vol. 115, No. 6 (December 2007), pp. 1020-1048
- 25 Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York. Basic Books. 1990.
- 26 Stucke M.E. Better competition advocacy //St. John's Law Review, 2008. 82 (3)
- 27 World Values Survey Wave 6: 2010-2014. Competition good or harmful.